

Черняк А. Я.

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ БИБЛИОГРАФИИ

Наше основное изложение необходимо предварить некоторыми замечаниями. Конечно, мы не пытаемся в настоящей статье ликвидировать белые пятна в библиографической науке. Речь пойдет о нерешенных проблемах, которые, на наш взгляд, наиболее актуальны для развития этой науки. Мы имеем в виду три вопроса:

1. Определение понятия «библиография».
2. Понятие об объекте библиографии.
3. О термине «библиографоведение».

Как видим, перед нами категории преимущественно терминологические. Важность соответствующих исследований как будто никогда не оспаривалась. Однако в литературе встречаются утверждения, несколько принижающие значимость терминологических исследований, они рассматриваются как проявление «терминологического подхода». Но терминология не «подход», а язык науки, выработанный ею в процессе развития, ре-

зультат научной деятельности, ее обобщение. Еще в античной философии термин рассматривался как понятие, фиксирующее устойчивые и непреходящие аспекты реальности. Поэтому выработка научных определений, достижение терминологических истин — важнейшая задача науки. Совершенно очевидно, что это в полной мере относится и к библиографической науке.

После этих предварительных рассуждений перейдем к основным вопросам статьи.

Этот термин в своем историческом развитии претерпевал изменения. Это естественно и столь же естественно и закономерно со-

временные попытки придать ему новое звучание. Примерно к 1950-м гг. в нашей стране сложилось представление о понятии «библиография» как о полисемическом. Оно

Так что же такое библиография?

зафиксировано в вузовском учебнике общей библиографии (1957 г.), что придало этому представлению некоторый официальный характер. Библиография понималась в трех значениях: как область деятельности, как научная дисциплина, как продукты библиографической деятельности. Такое понимание соответствовало сложившимся реалиям, было достаточно простым и понятным. Но она не претендовала на статус научного определения. Это стало одной из закономерных причин широкой дискуссии, развернувшейся в середине 1950-х гг.

Группа молодых библиографов—И. И. Рештинский, В. Г. Вытяжков, В. А. Николаев, О. П. Коршунов и другие—опубликовали теоретические статьи, где, в частности, выступили против бытовавшей трактовки понятия «библиография». Полисемичность понятия «библиография» была признана неприемлемой, начались поиски нового определения, свободного от многозначности.

Позиция молодых реформаторов была воплощена обобщена следующим образом: «Такая полисемия исходного термина, — писали А. И. Барсуки и Г. Г. Кричевский, — влекущая за собой многозначность производных, создала серьезные осложнения для теоретической и практической работы¹. Это утверждение не соответствовало действительности: признание трех значений библиографии не создавало никаких осложнений ни для теоретической, ни для практической работы². Все оставалось на своих местах: библиографы создавали пособия, осуществляли обслуживание, библиографическая наука обобщала и совершенствовала эту деятельность, а миллионы людей, нуждавшихся в информации, использовали пособия. Увы, они не знали, что готовят им упивающиеся новациями некоторые теоретики библиографии...

Итак, полисемия была объявлена главным злом, тормозом развития библиографии, она стала своеобразным жупелом, которым нача-

ли пугать приверженцев устоявшихся представлений, а также (что приобрело особое значение) учащуюся молодежь — будущих библиотекарей-библиографов.

А между тем в различных областях знания имелось и имеется множество определений полисемического характера. В частности, сама наука определяется и как форма общественного сознания, и как сфера человеческой деятельности, и как система знаний. А вот более простой пример: книжная торговля — это и род деятельности, и отрасль народного хозяйства, и сеть книжных магазинов. Но до подобных примеров и сравнений теоретикам-революционерам не было дела. В сущности, они действовали под лозунгами «Нам не нужны полисемические определения, хотя подобные и применяются в других областях знания», «Даешь унитарное определение» и т. п. Мы не имеем в виду конкретных личностей, но объективно это было проявлением провинциализма в науке, своеобразного снобизма некоторых теоретиков библиографии. В этом — одна из важных причин неудачи всех попыток сформулировать однозначное определение понятия «библиография».

Эти поиски отняли три с лишним десятилетия. Выдвигались различные формулировки, наконец термин «библиография» был включен в стандарты — ГОСТ 1648—70 и ГОСТ 7.0—77, что, на наш взгляд, является действием необоснованным. В отличие от стандартизации технических средств, материальных продуктов, физических, технических, химических и т. п. констант, стандартизация теоретических определений — дело крайне щепетильное и во многих случаях лишенное целесообразности. Тем более, если определение не является общепризнанным и находится в стадии формирования. Тогда стандарт превращается в жесткие, ограничивающие развитие терминологии рамки. Именно такая ситуация имеет место в отношении понятия «библиография».

В упомянутых стандартах, как это указывалось в печати, термины «библиография» и «библиографическая деятельность» оказались синонимами³. Это была дань увлечению так называемым деятельностным подходом. Некоторые теоретики объявили «определение библиографии через категорию «деятельность» важнейшим достижением советского библиографоведения⁴. В этой позиции мы

³ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 66.

⁴ Беспалова Э. К. Проблемы и перспективы деятельностного подхода к исследованию библиографии // Теоретические и методологические проблемы современного советского библиографоведения. Межвуз. сб. науч. тр. / Мос. гос. ин-т культуры. — Вып. 47. — М., 1981. — С. 45.

¹ Книговедение. Энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1981. — С. 47.

² В ходе дискуссии излагались позиции, которые не потеряли своей актуальности. Авторы одной из статей, отвергая обвинение в создании путаницы в результате многозначности термина, писали: «Никакой путаницы в этом нет. Нельзя не считаться с тем, что такое понимание складывалось в течение нескольких столетий. За каждым укоренившимся термином скрывается определенное понимание. Не видеть того общего, что объединяет различные значения термина «библиография» — это значит ликвидировать понимание библиографии как единого целого» (Антипина Е. П., Брисман М. А., Лебедев Н. С. О критической библиографии и терминологической путанице // Сов. библиография. — 1956. — Вып. 42. — С. 47.

находим серьезное и необоснованное преувеличение терминологических возможностей деятельностного подхода. Ни в коей мере не преуменьшая роли деятельности в развитии общества, отметим, что деятельностный подход никак нельзя рассматривать как панацею в решении терминологических проблем. В некоторых случаях можно попасть и в положение мольеровского героя, невзначай узнавшего, что он всю жизнь говорил прозой.

Чем же обогатил определение библиографии деятельностный подход? В ГОСТе 7.0—77 библиография определялась как область научно-практической деятельности по подготовке и доведению до потребителя библиографической информации, чтобы воздействовать на использование произведений печати в обществе. Если отвлечься от последней части определения, совершенно лишнего «хвоста», то мы видим в этой дефиниции, по крайней мере, два существенных недостатка.

Во-первых, допущена тавтология — понятие «библиография» определяется через понятие «библиографическая информация», т. е. неизвестное через производное от него. Очевидно, что в данном случае нарушены элементарные нормы образования понятий, ибо всякое неизвестное определяется через известное. Во-вторых, из сферы «библиография» исключены результаты библиографической деятельности — библиографические пособия. Это неизбежное следствие абсолютизации деятельностного подхода. Библиография как явление шире самого процесса библиографической деятельности. Кстати, все утверждения о том, что деятельность включает и ее результаты, в данном терминологическом аспекте более чем сомнительны.

Итак, реформаторы считали: перечни, списки литературы — это не «библиография», называть их так запрещалось, вводилось пресловутое Ндп. Это обстоятельство уже выходило за рамки восприятия работников книжного дела, имело большое социально-психологическое значение. Термин «библиография» — не какое-то узкое понятие для избранного круга ученых и специалистов. Это широко распространенное слово среди десятков миллионов людей, так или иначе причастных к произведениям печати. Они привыкли к обычному, общепринятому смыслу этого понятия и никогда не поймут и не примут его изменения. Всякое запрещение — Ндп. — вызывает лишь недоумение, а то и откровенную насмешку. В этой связи название одной из статей защитников стандарта «Для кого существует ГОСТ?»⁵, содержащей

«грозные» обвинения в адрес издательства «Наука», приобретает неожиданный для авторов смысл.

Вывод из всего этого один: термин «библиография», зародившись в сфере книжного дела, в среде его деятелей, давно вышел за эти рамки и стал достоянием широких слоев населения. И поэтому обращаться с ним надо уважительно и осторожно.

Но вернемся к определению понятия «библиография». Видимо, ущербность стандартизованных определений вынудила разработчиков ГОСТа 7.0—84 принять неожиданное решение. Сам ГОСТ стал называться «Библиографическая деятельность» вместо названия ГОСТа 7.0—77 «Библиография. Термины и определения». Подобное изменение скрывало глубокий смысл: по замыслу разработчиков оно призвано было смягчить терминологический кризис в области теории библиографии. Средство решения этой задачи выбрано в высшей степени своеобразное: из нового стандарта исключен термин «библиография». И в этом официальном документе, где дано множество определений понятий, производных от термина «библиография», отсутствует само это понятие!

Вместе с тем можно в какой-то мере понять и причину исключения термина «библиография» — «ввиду его пока неустранимой многозначности, отсутствия единого и общепринятого толкования»⁶. Но отказ от стандартизации термина «библиография» не означал прекращения попыток дать его новое определение. Последнее из них сформулировано О. П. Коршуновым. Библиография определяется им как «система различных видов деятельности (практической, научно-исследовательской, учебной, управленческой), обеспечивающая функционирование библиографической информации в обществе»⁷. Безусловно, это определение является более четким по сравнению с определением ГОСТа 7.0—77, оно шире по смыслу и представляет собой шаг вперед. В то же время оно не свободно от недостатков.

Начнем с формальных. Полагаем, что следовало бы ввести (после слова «обеспечивающая») слово «создание», так как в данном определении библиографическая информация представляется как данность, существующая сама по себе. Думается, что перечисление видов деятельности избыточно: функционирование библиографической информации обеспечивается специфической научно-практической деятельностью; учебная и

⁵ Моргенштерн И. Г., Уткин Б. Т. Для кого существует ГОСТ? // Сов. библиография. — 1982. — № 1. — С. 80.

⁶ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 67.

⁷ Там же. — С. 68.

управленческая — суть общие виды деятельности функционального характера. Но главное состоит в том, что новое определение сохранило указанные выше существенные недостатки прежнего: тавтологию и исключение из сферы библиографии библиографических пособий. Новое определение не вышло за рамки деятельностного подхода.

В целом же остается присоединиться к итоговому выводу О. П. Коршунова: «Многозначность термина «библиография» остается объективным фактом, с которым приходится считаться»⁸.

Таким образом, попытки выработать новое, свободное от полисемичности определение библиографии не привели к успеху. Как это ни горько признавать, но по результатам дискуссии оказалась бесплодной (хотя в ходе полемики высказывались интересные мысли). Более того, схоластическая и надуманная, она на весьма длительное время отвлекла значительное число ученых, преподавателей и специалистов от действительно актуальных, насущных задач теории библиографии и совершенствования ее практики. Еще хуже то печальное обстоятельство, что дискуссия так или иначе вовлекла в свою орбиту целые поколения студентов библиотечных факультетов (а также частично и полиграфических институтов), наталкивая их на путь формалистического, оторванного от жизни мышления.

Участники дискуссии, особенно ее инициаторы, упустили из виду или проигнорировали основополагающий вопрос: для чего нужны научные определения? Смысл любого такого определения состоит в том, чтобы дать объяснение, которое отделяет рассматриваемое специфическое явление от неспецифической среды. В нашем случае определение должно отграничить библиографическое от неблиблиографического.

Что дала в этом единственно оправданном смысле указанная дискуссия? Она отлучила (пусть даже только терминологически) от библиографии результаты ее деятельности — библиографические пособия. В ходе дискуссии сделана попытка дать определение библиографии, которое необоснованно урезало имевшееся и потому оказалось уже его. Подобный финал закономерен, даже неизбежен. Такова расплата за научный провинциализм, неоправданный снобизм, излишнее теоретизирование, наконец, за непреодолимое стремление к новому во что бы то ни стало.

Кратко остановимся на возможностях разработки научного определения понятия «библиография». Прежде всего, хотелось бы под-

черкнуть, что путь к нему должен быть не от декретирования тех или иных теоретических положений, а от реалий, от библиографической практики. Именно этот критерий лежит в основе нашего представления о библиографии, и нельзя недооценивать то, что оно у нас есть, так как является, как правило, неизбежным предварительным этапом, базой для выработки научного определения. Конечно, существующее представление следует максимально усовершенствовать и тем самым приблизить его к будущему определению. Мыслится, например, целесообразным оптимизировать указанное представление, превратив его из трехкомпонентного в двухкомпонентное. Тогда начало его может звучать следующим образом: «Библиография — область науки и практической деятельности...».

Здесь необходимо раскрыть структуру библиографической деятельности. Это сегодня сделано как на уровне научной, так и учебной литературы. Имеются в виду два основных процесса: библиографирование документов и библиографическое обслуживание потребителей информации. Эти процессы можно обозначить несколько по-иному: создание новой информации и обслуживание ею. Генетическую связь между этими процессами подчеркивает О. П. Коршунов. «В целом можно сказать, — пишет он, — что процесс библиографирования предшествует и сопутствует процессу библиографического обслуживания, образуя необходимую библиографическую основу последнего»⁹. Эта позиция, сама по себе правильная, необходима. Но достаточна ли она?

Безусловно, в определении библиографии трудно обойтись без термина «информация». Но все дело в том, чтобы определить характер информации, свойственной именно библиографической деятельности. В современных определениях это, как известно, достигается применением словосочетания «библиографическая информация». В принципе это правильно, так как адекватно отражает характер и специфику информации в библиографической деятельности. Но это сочетание, как уже говорилось, создает в формулировке определения библиографии открытую тавтологию. Чтобы освободиться от нее, необходимо найти другое слово для характеристики специфики указанной информации. Нами рассмотрены следующие варианты: адресная, справочная, поисковая, функциональная, книговедческая информация. Ни одна из них адекватно не заменяет понятия «библиографическая информация». Правда, ближе всех к нему подходит словосочетание «книговедческая информация», но этот термин нуждается в серьезной

⁸ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс. — М.: Кни. палата, 1990. — С. 6.

⁹ Там же. — С. 88.

разработке. Поэтому мы избрали другой путь и пришли к следующей формулировке: «Библиография — область науки и практической деятельности по созданию и использованию информации, достаточной для выявления, учета и пропаганды произведений печати (письменности).

Исследуем это определение, прежде всего данную в нем характеристику информации. Эта характеристика отличается двумя особенностями. Во-первых, она дается в служебном аспекте, через раскрытие рабочих функций информации. Во-вторых, обеспечен выход вторичной информации на первичную — объект библиографической деятельности. Нетрудно увидеть, что характеристика информации близка к раскрытию понятия «библиографическая информация» в ГОСТе 7.0—84. Там она звучит в такой редакции: «Информация о документах, создаваемая в целях оповещения о документах, их поиска, рекомендации и пропаганды»¹⁰.

Однако в нашей формулировке имеются изменения. Словосочетание «информация... в целях оповещения» содержит скрытую тавтологию, но главное, функция учета предполагает и функцию оповещения. Поэтому в нашей формулировке применен термин «учет» как более общий, имеющий свои производные. Термин «поиск» заменен более активным словом «выявление», являющимся результатом процесса поиска. Слово «рекомендация» исключено, так как оно является элементом более широкого понятия — «пропаганда». Слово «достаточный» введено для обозначения разумной границы объема информации, необходимого для тех или иных целей библиографической деятельности. В целом характеристика библиографической информации стала более краткой и, полагаем, более четкой. Это и позволило ввести ее в определение понятия «библиография».

Все же приведенная выше формулировка понятия не охватывает полностью его границ. Другой компонент понятия — фиксированные результаты библиографической деятельности, выраженные в виде библиографических пособий. В итоге получаем двухкомпонентное определение понятия «библиография».

1. Область науки и практической деятельности по созданию и использованию информации, достаточной для выявления, учета и пропаганды произведений печати (письменности).

¹⁰ ГОСТ 7.0—84. Библиографическая деятельность. Основные термины и определения.— М.: Изд-во стандартов, 1985.— С. 12.

2. Пособия указанной информации о произведениях печати (письменности) (библиографические пособия).

Таково возможное двухкомпонентное определение понятия «библиография». Мы хотим подчеркнуть: именно возможное. Что же касается произведений печати (письменности) как элемента определения этого понятия, то это предмет специального разговора.

Объект библиографии: книга или документ?

Этот вопрос сегодня, кажется, перестал быть вопросом и вроде бы звучит риторически. В самом деле, на уровне стандартов, учебных пособий, многих научных работ, методических материалов господствует так называемый доктринальный подход. «Главная его отличительная черта, — пишет О. П. Коршунов, — принципиальный отказ от любых ограничений документальных объектов библиографической деятельности со стороны их формы, содержания или назначения»¹¹. И все же, на наш взгляд, и не только на наш, вопрос этот правомерен и не потерял своей актуальности и научной значимости. Непреходящий вклад в его решение внес выдающийся советский книговед и теоретик библиографии А. И. Барсук. Речь идет о статье «Развитие книговедческой концепции библиографии», вышедшей через несколько лет после смерти автора¹², а точнее, о разделе этой статьи под характерным названием «Об объектах библиографии» (книга — произведение или документ, читатель или потребитель информации?). К сожалению, публикация этой статьи прошла незамеченной, что необоснованно с научной точки зрения и несправедливо с человеческой. Мы не берем на себя оценку этой статьи в целом, хотя и не всегда согласны с позицией автора. Что же касается упомянутого выше раздела об объекте, то он, думается, написан весьма убедительно, с присущей автору научной глубиной и широкой эрудицией. Мы полностью присоединяемся к выводам А. И. Барсука и, более того, считаем, что их невозможно отвергнуть и в принципе к ним очень трудно что-либо прибавить. Поэтому наше дальнейшее изложение в значительной мере есть развитие основных идей статьи А. И. Барсука с добавлением новых соображений и положений.

Начнем с того, что понятие «документ»

¹¹ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс.— М.: Кн. палата, 1990.— С. 10.

¹² Барсук А. И. Развитие книговедческой концепции библиографии // Книга. Исследования и материалы.— Сб. 52.— М.: Книга, 1986.— С. 35—54.

крайне неопределенное. Этот термин присутствует в самых различных отраслях знания и человеческой деятельности. Обратимся к высказываниям специалистов. «...Толкование термина «документ» многозначно, — пишет М. П. Илюшенко. — Это объясняется многоаспектностью документа. Каждая научная дисциплина в определении документа выделяет какой-то один аспект»¹³. Термин «документ» многозначен, — отмечает Э. И. Ханпира. — Его многозначность носит междисциплинарный и межотраслевой характер»¹⁴. А. И. Барсук считает: «...утверждать, что объектом той или иной конкретной деятельности является «документ вообще» — это сказать одновременно и неоправданно много и в то же время явно недостаточно»¹⁵.

Правда, можно привести пример, как будто опровергающий это утверждение. Речь идет о документоведении, объектом которого действительно является документ. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что здесь имеется в виду не «документ вообще», а его конкретное, специфическое понимание. Объектом документоведения являются документы, образовавшиеся в результате деятельности учреждений, организаций, предприятий, т. е. документы делопроизводства¹⁶. Другими словами, объект документоведения — группа определенных документов (подчеркнуто мною. — А. Ч.) или группа документов определенного характера. Заметим при этом, что содержание научной дисциплины «Документоведение» значительно уже его названия. Как указывает М. П. Илюшенко, книги, произведения искусства, монеты, печати, гербы и многие памятники письменности не входят в объект документоведения. Их изучение ведут, применяя свои методы, книговедение, литературоведение, историческая наука, вспомогательные исторические дисциплины. «Поэтому, — продолжает он, — документоведение... ограничивает предмет своего изучения документами, функционирующими в процессе управления»¹⁷. Кажется, исчерпывающе ясно.

¹³ Илюшенко М. П. К понятию «документ» (эволюция термина и предмет документоведения) // Сов. архивы. — 1986. — № 1. — С. 28.

¹⁴ Ханпира Э. И. Что такое документальный памятник (К постановке вопроса) // История СССР. — 1988. — № 2. — С. 80.

¹⁵ Барсук А. И. Развитие книговедческой концепции библиографии // Книга. Исследования и материалы. — Сб. 52. — М.: Книга, 1986. — С. 38.

¹⁶ Документоведение. Программа курса для специальности 2037 «Документоведение, организация управленческого труда в государственных учреждениях» / Мос. гос. историко-арх. ин-т. — М., 1984. — С. 4.

¹⁷ Илюшенко М. П. К понятию «документ» (эволюция термина и предмет документоведения) // Сов. архивы. — 1986. — № 1. — С. 31.

Но есть и другие подобные примеры. Объект архивоведения — документы определенно характера, картографии — документы особого рода — географические карты. Кроме того, изучением отдельных видов документов занимаются вспомогательные исторические дисциплины. Так, нумизматика изучает монеты, сфрагистика — печати, геральдика — гербы, археология — письменные исторические источники, палеография — развитие письменности, эпиграфика — древние и средневековые надписи на камне, дереве, стекле, металле, кости, керамике, дипломатика — исторические акты и т. п. Различные виды документов — объекты отраслей научно-практической деятельности, связанные с коллекционированием. Например, филателия — коллекционирование марок и других знаков почтовой оплаты, филокартия — иллюстрированных открыток, филумения — спичечных этикеток, филофония — звукозаписей и т. д. Таким образом, имеется множество наук и отраслей деятельности, объектами которых служат определенные группы документов.

Но относится ли к подобным наукам и библиография? В свете приведенных примеров вопрос этот звучит серьезно и даже опасно для судеб документографического подхода к библиографии. Но не будем спешить с ответом.

В новейшем учебнике библиографоведения дано несколько дифференцированное определение понятия «документ»: «Документ — это любой материальный носитель, на котором человеком зафиксирована (закреплена) социальная информация»¹⁸. Это определение охватывает все знаковые документы (алфавитные, идеографические, иероглифические, цифровые, нотные, формульные и пр.), все изобразительные документы (иллюстрации, графика, видеоматериалы, скульптура и др.), все фонодокументы (грампластинки, магнитные ленты и диски и т. п.). Как видим, в эту группу входят как плоскостные, так и частично объемные материалы.

Итак, согласно документографической концепции все перечисленные выше документы представляют собой объекты библиографической деятельности. В перечень объектов библиографической деятельности входят, таким образом, не только произведения печати и письменности, но и почтовые марки, спичечные этикетки, боны, денежные знаки, печати, гербы, медали, ордена, транспортные билеты, документы делопроизводства, в том числе архивные, произведения живописи, скульптуры, видеоматериалы, фонодокументы и т. п. Дру-

¹⁸ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 15.

гими словами, библиографией объявляются все перечни носителей зафиксированной социальной информации, и библиография превращается в почти безграничный перечневый конгломерат безотносительно к характеру перечисляемых явлений. В ряде случаев (библиография бланков, анкет и т. п.) она теряет свой интеллектуальный характер, низводится до уровня формальных перечней. Декларируется по существу глобальная всеядность библиографии. А между тем сила и общественная значимость библиографии, ее притягательность состоит именно в интеллектуальном объекте библиографии — книге, произведении печати, письменности. Забывать об этом — значит наносить ощутимый урон ее духовности, лишать присущего ей специфического объяснения, разрушать ее ценностный потенциал.

Далее. Выход объекта библиографической деятельности за рамки произведений печати не имеет никакого отношения к работе важнейших учреждений книжного дела: библиографических, редакционно-издательских, учреждений книжной торговли, большинства библиотек и др. Почему они должны вводить в свой обиход и профессиональную терминологию чуждый им и непонятный термин «документ»?

С другой стороны, предлагается ввести библиографическую терминологию в те отрасли документальных коммуникаций, в которых она никогда не применялась. Перечни объектов этих отраслей имеют устоявшиеся, привычные наименования. Например, каталог почтовых марок, каталог выставки картин или скульптур, каталог грампластинок, опись архивных дел, список (перечень) документов делопроизводства и т. п. Кто и зачем будет переименовывать эти термины в «библиографии» и кто может заставить это сделать? Может быть, на уровне стандарта объявить очередное Ндп.? Или мало было насмешек и недоумений?

Из всего этого следует один вывод: внедрение библиографической терминологии в сферы исконно неблиблиографические не вызывается никакой практической необходимостью и, собственно, никому не нужно, это попытка решать вопросы без хозяина, неправомерное навязывание. Правда, здесь нас могут упрекнуть в игнорировании того непреложного факта, что в последние десятилетия фонды ряда библиотек и особенно органов научно-технической информации усиленно пополняются материалами не книжного характера, не относящимися к произведениям печати или письменности. Речь идет о магнитных лентах, дисках, видеоматериалах, визуальных материалах и т. п. Их значимость в информационной и библиотечной работе действительно уве-

личивается. Но вот вопрос: а почему их перечни, как правило, именуемые каталогами, нужно превращать в «библиографии»? Что от этого меняется? И еще: указанные материалы по сравнению с произведениями печати и письменности, обращающимися в различных отраслях документальных коммуникаций, составляют небольшую часть. Так почему же из-за части надо менять целое?

Однако могут сказать, что эта часть исторически прогрессивна, что, конечно, верно. В связи с этим имеется даже попытка теоретического обоснования расширения объекта библиографической деятельности. «Библиография всегда занималась, — пишет О. П. Коршунов, — теми формами, которые в данную историческую эпоху становились господствующими, и значительно меньше внимания уделяла тем формам, которые отмирали или только зарождались...»¹⁹. Не совсем ясно, о чем идет речь. Похоже, это объективно направлено на преуменьшение определенной исторической роли библиографии: ведь она никогда не умаляла значимости своих исторических объектов. Возможно, что автор имеет в виду соотношения между печатной и рукописной формами произведений. Но дело здесь не во внимании библиографии, а в степени распространения печатной продукции. В связи с этим автор продолжает: «Поэтому принципиально неверно вообще ограничивать объект библиографической деятельности какой-то одной исторически преходящей формой, например, произведениями печати или даже произведениями письменности»²⁰. Эту позицию нельзя признать убедительной. Можно ли сравнить такие средства информации, как произведения печати и особенно произведения письменности, с которыми человечество прошло весь свой путь развития, перешагнув через общественно-экономические формации, с «исторически преходящей формой»? Ведь все новейшие средства информации не уничтожают произведения печати и письменности, а только дополняют их, хотя и существенно²¹. Так что подобные выводы можно делать лишь сугубо в философском, абстрактном плане. Но тогда

¹⁹ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 10—11.

²⁰ Там же. — С. 11.

²¹ Этого ни в коей мере не отрицает и О. П. Коршунов. Напротив, он утверждает, что «... произведения печати в максимальной степени соответствуют психологическим особенностям и физиологическим возможностям восприятия социальной информации человеком и в этом смысле в обозримом будущем они незаменимы... произведение печати было, есть и в обозримом будущем останется главным компонентом всей системы документальных коммуникаций» (Там же. — С. 16).

это не имеет должного практического значения.

Обратимся еще к некоторым теоретическим аспектам расширения объекта библиографической деятельности. Переход от «произведения печати и письменности» к «документу» означает превращение конкретного видового понятия в абстрактное родовое. Это противоречит логике формирования научного определения, ведет к потере специфики библиографии, затемнению ее органического смысла. С формальных позиций здесь напрашивается термин «документография», это было бы логично. Еще 15 лет назад О. П. Коршунов считал, что, исходя из предложенной им концепции, библиографию «... правильнее было бы назвать «документографией»²², однако термин этот не привился. Отвлекаясь от теоретической и практической сторон неправомерности подобной акции, о чем уже говорилось, необходимо обратить внимание на ее терминологические последствия. Введение такого термина означало бы коренное изменение всей устоявшейся терминосистемы. Логически неизбежно вместе с термином «документография» ввести термины «документограф» (бывший библиограф), «документографоведение» (библиографоведение), «документографовед» (библиографовед), а также «документотека» (библиотека), «документотекарь» (библиотекарь), «документотековедение» (библиотековедение) и т. д. Терминологически исчезнут профессии: библиотекарь, библиограф, архивист и др. На такого рода предложения пока не отваживается ни один самый радикальный приверженец новаций в области библиографической терминологии.

Подведем итоги. Почему библиография должна охватывать все виды документов, терять свое лицо и специфику? Для этого нет ни теоретических оснований, ни практической целесообразности, ни возможностей. Подобно другим наукам документально-коммуникативного цикла и соответствующим областям деятельности библиография должна сохранить своим объектом определенную группу документов, а именно — произведения печати и письменности. Отдайте богово Богу, а кесарево — Кесарю!

Библиографоведение — самоогрицание ложной идеи

конкретное содержание в это понятие вкладывается) и «библиографоведения» как на-

²² Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии. — М.: Книга, 1975. — С. 172.

уки о библиографии»²³. В целом это верно на уровне учебных программ и учебников, большинства научных работ и даже на уровне профессионального осознания многих представителей библиографической общественности. Многие, однако не всех. Но и те, кто не приемлет термина «библиографоведение», практически не выступают против него в печати. Да и сделать это трудно, особенно в специальной прессе: «ретроградские» статьи не принимаются. Правда, в общей прессе иногда прорываются «антибиблиографоведческие» высказывания. «Пышным цветом расцвело так называемое «библиографоведение», — иронически восклицает известный литературовед и книговед М. О. Чудакова²⁴. Насколько мы можем судить, эта позиция характерна для весьма многих ученых, представителей различных отраслей знания.

И все же факт остается фактом: термин «библиографоведение» утвердился, получил официальное признание. Вроде бы бороться с этим бессмысленно и бесполезно. Но так ли это на самом деле? «Ведь наука смотрит не только вперед, но и оглядывается назад, в частности призвана преодолевать некоторые устоявшиеся представления, разрушать догмы, а также новации, правомерность и необходимость которых не получили достаточного утверждения всем ходом дальнейшего развития науки и практики и которые на самом деле предстают перед нами как заблуждения. История мировой науки богата подобными примерами»²⁵. Так писали мы несколько лет назад, так думаем и сейчас. Истина не знает временных границ. Конечно, лучше установить ее раньше, чем позже. Но еще лучше позже, чем никогда. Именно это обстоятельство заставляет нас снова вернуться к старой (но не устаревшей) теме. Но сначала поставим вопрос: работает ли время на библиографоведение или против него? В свете вышеизложенного не исключено, что вопрос этот многим покажется странным, но не будем спешить с ответом.

Быть может, наибольший вклад в обоснование и утверждение термина «библиографоведение» внес А. И. Барсуку. Критикуя полисемическое определение библиографии, он выразил свое кредо в следующих словах: «Случилось так, что только в области библиографии одно и то же слово обозначает и деятель-

²³ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общий курс. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 6.

²⁴ Чудакова М. О. Чистка разума. Фантомы и мистерины «самой читающей страны» // Сов. культура. — 1990. — 10 марта. — С. 15.

²⁵ Черняк А. Я. К вопросу о термине «библиографоведение» // НТИ. Сер. 1 — 1985. — № 8. — С. 7.

ность, и ее «самосознание» (осмысление опыта). В других отраслях такой двузначности, как правило, нет...»²⁶. Это досадное заблуждение видного ученого. Еще как есть! Вот некоторые примеры. Артиллерия — род войск; совокупность предметов артиллерийского вооружения; наука об устройстве артиллерийского вооружения и его боевом применении. Металлургия — отрасль науки и техники; отрасль промышленности. Медицина — область науки и практической деятельности.

Эти и многие подобные им термины существуют и здравствуют, несмотря на «запреты» сторонников однозначных дефиниций. А вот нам неизвестны пары типа: библиография — библиографоведение, где первый член означает научно-практическую деятельность, а второй — науку о ней. Где в таком случае артиллериеведение, металлурговедение, медициноведение, ветеринароведение и т. п.? Нет таких и никто не собирается их выдумывать. Ибо кто такой «медициновед», если не медик, «ветеринаровед», если не ветеринар, «металлурговед», если не металлург и т. д.

Далее. Сторонники библиографоведения отделили его от библиографии, прямо заявили, что оно не вошло в состав самой библиографии. Теория библиографии «в этом случае рассматривается как раздел библиографоведения, но не библиографии»²⁷. Термин «библиографоведение» был даже исключен из ГОСТа 7.0—77 «Библиография. Термины и определения», «так как он выходит из содержания границ стандарта... стало возможным и оправданным его исключение из документа, регламентирующего терминологию в области библиографии, но не охватывающего систему терминов научной дисциплины (библиографоведения), что следует из самого названия стандарта»²⁸. Это был предел отчуждения библиографоведения от библиографии, теории от практики. Причина столь сурового решения состояла в том, что, по убеждению инициаторов введения термина «библиографоведение», библиография не обладает собственным осознанием, «самосознанием» (осмыслением опыта). В то же время признается, что «библиографическая практика, особенно в ее научно-познавательных аспектах, обладает ясно выраженными чертами исследовательского труда и потому может рассматриваться как об-

ласть не просто практической, а научно-практической деятельности»²⁹.

Но в таком случае возникает вопрос: что это за такая беспомощная область научно-практической деятельности (т. е. библиография), которая оказывается не в состоянии изучать и разрабатывать свои собственные историю, теорию, методiku, проблемы организации, структуру, свойства, закономерности и пр. и вынуждена призывать на помощь какую-то особую науку — библиографоведение, которая, как мы видели, находится совсем в другом ряду наук? Впрочем, эта наука зародилась все-таки в сфере библиографии, правда, несколько странным путем. «Библиография как область деятельности, — пишет А. И. Барсук, — развивается все более успешно, и престиж ее возрастает еще и потому, что она в ходе своего поступательного движения постепенно, но непрерывно формировала свою теорию, методiku, историю; иными словами, библиографическая практика вызвала к жизни научную дисциплину — библиографоведение»³⁰. Во-первых, здесь как будто отрицается статус библиографии как научно-практической деятельности. Но не это главное. Оказывается, было такое время, когда библиография выполняла роль научной дисциплины. Действительно, как могла библиография создавать свою теорию, методiku, историю, организацию и т. п., не изучая их, не осмысливая, не обобщая свою деятельность, работая вслепую? Затем, однако, наступил такой момент, когда библиография передала эти свои функции (добровольно ли или по «указанию» некоторых теоретиков?) некоему библиографоведению, и, таким образом, перестала быть научной дисциплиной (!!). Так делается история науки...

Один из распространенных доводов в защиту правомерности образования термина «библиографоведение» состоял в том, что приводилось сравнение с такими парами понятий, как «книжное дело — книговедение» «библиотечное дело — библиотековедение», «литература — литературоведение», «искусство — искусствоведение». Сравнение это совершенно несостоятельно и свидетельствует лишь о некомпетентности в области лингвистики и терминологии. Как известно, слово «ведение» в старославянском языке означает руководство, науку.

Приведенные выше словосочетания соединяют науку с предметом (литература, искусство) или с деятельностью, «делом» (библио-

²⁶ Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. Методологический очерк. — М.: Книга, 1975. — С. 8.

²⁷ Барсук А. И. Что такое библиографоведение? // Библиотекарь. — 1976. — № 7. — С. 62.

²⁸ Барсук А. И., Грузинская Н. Н., Семеновкер Б. А. Новый государственный стандарт «Библиография. Термины и определения» // Сов. библиография. — 1977. — № 3. — С. 15.

²⁹ Коршунов О. П. Библиографоведение. Общ. курс. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 193.

³⁰ Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. Методологический очерк. — М.: Книга, 1975. — С. 17.

течное дело, книжное дело). Совершенно ясно, что «ведение» не может сочетаться с названием какой-либо науки, ибо в таком случае возникает прямая тавтология. Например, физиковедение — наука о физической науке, химиковедение — наука о химической науке и т. п. Подобных сочетаний науковедение не знает, так как теоретические части всех конкретных наук входят в состав этих наук. Правда, здесь можно привести пример другого рода: существует науковедение — наука о науке. Однако в данном случае наука рассматривается как предмет в отличие от конкретных наук. Все это имеет прямое отношение к библиографоведению: оно означает науку о библиографической науке, по крайней мере о научно-практической деятельности. Критика термина «библиографоведение» с науковедческих и терминологических позиций дана в ряде статей³¹.

Таким образом, ссылки апологетов библиографоведения на те или иные аналогии оказываются полностью несостоятельными. Но тогда остается одно — признать науковедческую и терминологическую исключительность понятия «библиография», непохожесть ее на все другие науки или области научно-практической деятельности. Что ж, тогда дело другое. Только доказывать подобную уникальность библиографии необходимо весьма обстоятельно. Этого никто из защитников библиографоведения не сделал и сделать не сможет. Вместо этого делаются декларативные заявления, скорее заклинания. Скажем, такое: «Разграничение библиографии (библиографического дела) и библиографоведения, утверждение самостоятельности библиографоведения как научного комплекса не только внесло ясность в соотношение понятий, но и создало благоприятные условия для ускоренного развития советской библиографической науки»³². Если бы так...

Остановимся еще на одном доводе в пользу библиографоведения, которое заслуживает, пожалуй, особого внимания. Речь идет о замечании О. П. Коршунова, сделанном с присущим ему полисемическим мастерством. Он указывает, что невозможно представить себе нахождение библиографии и теории библиографии в составе единого терминологического

явления, так как объекты их изучения различны³³. На первый взгляд, это замечание является неотразимым доводом в пользу раздельного существования библиографии и библиографоведения. Однако при более глубоком рассмотрении дело обстоит несколько по-иному. Известно, что в каждой науке имеются теоретическая и историческая ветви. Остановимся на последней. Скажем, физика, химия, биология, геология и т. д. изучают природу, а история физики, химии, биологии, геологии и т. д. изучает развитие каждой из этих наук, т. е. объект науки не совпадает с объектом ее истории. Между тем история конкретной науки остается в составе данной науки. Из этого следует вывод: либо вывести историю данной науки в самостоятельную научную дисциплину, либо расширить и видоизменить сложившиеся представления об объекте науки и, следовательно, примириться с существованием в каждой науке двух структур с разными объектами. Можно тогда несколько условно сказать, что в каждой науке имеется слой (структура) с органическим, содержательным объектом и слой с науковедческим объектом. Или, иными словами, в каждой науке есть два объекта. Таким образом, замечание О. П. Коршунова, которое кажется непреодолимым, снимается и вместе с ним снимается, быть может, самый серьезный довод в пользу создания особой науки — библиографоведения.

В завершение настоящей статьи рассмотрим вопрос, который, как нам представляется, имеет особое значение для всей проблемы соотношения библиографии и библиографоведения. Существует представление о том, что под библиографоведением следует понимать теорию библиографии. По крайней мере, в более ранних работах библиографоведческого профиля такая позиция была видна довольно отчетливо. В дальнейшем мы наблюдаем расширительный подход к сущности библиографоведения. Утвердилось представление о ней, как о четырехчленной структуре. Еще в 1976 г. в популярной статье³⁴, рассчитанной на массового читателя, были определены и охарактеризованы четыре научные дисциплины в структуре библиотековедения: 1) теория библиографии — «вскрывает объективные закономерности, присущие библиографии в целом и отдельным ее подразделениям»; 2) исторический раздел библиографии — «изучает происхождение и развитие библиографии»; 3) проблемы организации библиографии; 4) методи-

³¹ Слуховский М. И. К вопросу о слове «библиографоведение» // Справочно-библиографич. работа в 6-ках. — Вып. 3. — М., 1977. — С. 164—185; Черняк А. Я. К вопросу о термине «библиографоведение» // НТИ. Сер. 1. — 1985. — № 8. — С. 7—11; Черняк А. Я. О терминологической ситуации в области библиографии // Науч.-техн. терминология // Науч.-техн. реферат. сб. — М.: ВНИИКИ, 1987. — С. 1—5.

³² Барсук А. И., Коршунов О. П. Что такое библиографоведение? // Библиотекарь. — 1976. — № 7. — С. 66.

³³ Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии. — М.: Книга, 1975. — С. 15.

³⁴ Барсук А. И., Коршунов О. П. Что такое библиографоведение? // Библиотекарь. — 1976. — № 7. — С. 64—66.

ческий раздел — «разрабатывает приемы, правила и способы, применяемые в библиографической деятельности». Эта структура подтверждена и развита в последующих библиографических работах.

Теперь мы точно знаем, что такое библиографоведение. Это — **параллельная структура, повторяющая структуру общей библиографии как научно-практической деятельности**. Другими словами, от библиографии отлучили теорию, историю, методику и организационные вопросы библиографической работы. Отныне библиография не может (не имеет права) не только обобщать свою работу, анализировать свое прошлое, но и разрабатывать методы и приемы, формы и способы этой работы, вопросы своей собственной организации. Это все за нее делает некоторый одухотворенный (чего, конечно, не дано библиографии) организм — библиографоведение. Здесь позволено спросить: а что же, собственно, остается от общей библиографии? Очень похоже на то, что в произошедшей библиографической революции дети-библиографоведы пожрали своих родителей-библиографов. Впрочем, не думаем, что библиографы останутся без работы, только при составлении библиографического пособия придется организовывать тандем: библиограф будет заниматься составительской работой, а библиографовед будет его наставлять по части методов, приемов, способов и т. п.

К сожалению, это не словесные упражнения. Попробуем сравнить работы по библиографоведению с работами по библиографии. Вот перед нами две статьи из широко известного издания «Книговедение. Энциклопедический словарь» — Библиография и Библиографоведение. Читая эти материалы, прежде всего проникаешься чувством глубокой жалости к их авторам: какую большую и сложную работу им пришлось провести, чтобы не повторять друг друга. И все же это им до конца не удалось и не могло удасться. Авторы сбиваются в терминах, постоянно подменяют «библиографоведение» «библиографией» как в современном, так и в историческом планах. Совсем уж трудно им определить, какие пособия библиографические, а какие — библиографоведческие. Вот и попали в библиографоведческую статью пособия Теплицкой И. Б. «Библиографическая работа массовой библиотеки», Шамурина Е. И. «Методика составления аннотаций», Брискмана М. А. и Бронштейна М. П. «Составление библиографических пособий». Так и хочется спросить у авторов: куда бы они поместили, скажем, книгу «Методика проведения операции аппендицита», в статью «Медицина» или в статью «Медициноведение»?

Пример этот далеко не единичный. Подобная ситуация сложилась ныне и в учебной литературе. Учебная дисциплина «Библиография. Общий курс» разбита на три предмета: «Библиографоведение. Общий курс», «Организация и методика библиографической работы в библиотеке» и «История библиографии в СССР». Как видим, исчез курс общей библиографии. Однако это не совсем так. Если мы обратимся к только что вышедшему учебнику «Библиографоведение. Общий курс», то убедимся, что по существу перед нами пособие преимущественно по общей библиографии. Библиографоведению посвящен лишь один из четырех разделов учебника, это примерно 13% текста. Даже если к нему прибавить тексты теоретического характера из других глав, то и тогда на долю «библиографоведения» придется от силы 20—25% материала учебника. Таким образом, произошла подмена общей библиографии библиографоведением. О чем это свидетельствует? Только об одном: у «библиографоведения» не хватает, так сказать, собственного материала, чтобы действительно претендовать на роль самостоятельной научной, а тем более учебной дисциплины. Как тут не вспомнить высказывания М. А. Брискмана по поводу выделения теории библиографии в самостоятельную научную дисциплину. «Не слишком ли мало для особой научной дисциплины? — писал он 30 лет назад. — Велика ли в этом случае ее общественная роль? Нет, никак мы не можем с этим согласиться. Теория библиографии — это лишь скромный раздел во много раз более широкого явления, явления действительно более широкого значения — библиографии в целом, и ни о каком особом предмете теории библиографии говорить не приходится»³⁵.

Тут мы подходим, пожалуй, к самому главному выводу. На кого работает время в ходе развития библиографоведения? Как это на первый взгляд ни странно, время работает не на библиографоведение, а против него, несмотря на его утверждение и расширение сферы распространения. Но так и должно быть. Ложная идея рано или поздно начинает проявлять подлинную сущность именно в ходе собственного развития. Библиографоведение, вытесняя библиографию из ее собственных сюжетов и таким, скажем мягко, ненаучным способом подменяя ее, разоблачает самое себя. В развитии библиографоведения заложено самоотрицание ложной идеи.

Чем раньше это станет понятным широкой библиографической (и «библиографоведческой»

³⁵ Брискман М. А. Спорные вопросы теории библиографии и построение учебника «Общая библиография» // Сов. библиография. — 1960. — № 3. — С. 82.

кой») общественности, тем легче будет выйти из создавшейся ситуации, исключить из научного и практического обихода термин «библиографоведение», который по сути представляет собой «терминологическую игрушку».

В качестве последнего аккорда скажем следующее. Мы назвали нашу статью «нерешенные вопросы теории библиографии» и не отказываемся от этого названия. Однако необходимо некоторое уточнение. Дело в том, что

большинство рассмотренных нами проблем, возникших в области теории библиографии, имеет искусственное происхождение. Они появились в результате, так сказать, неадекватных представлений и подходов. Полагаем, что в статье об этом сказано достаточно подробно. Поэтому нашу статью можно было назвать и так: «Больные вопросы теории библиографии».